

УДК 81'373; 001.4

**КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ
(ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ
ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ).
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ¹**

Елена Николаевна Полякова

профессор кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. 32polyakova@mail.ru

По данным памятников Пермского края XVI – начала XVIII в. рассмотрены названия продуктов растительного происхождения и пищи из них, а также основы прозвищ и фамилий из таких названий. Лексика и ономастика свидетельствуют о преемственности культуры питания Русского Севера, о сохранении основных традиций этой культуры в Прикамье с XVI до XX в., о языковых и культурных связях русских с коми-пермяками. Результаты исследования дополняют материалами XVI – начала XVIII в. наблюдения этнографов над пермскими данными XIX-XX вв. и актуальны как для этнографии, так и для истории русского языка.

Ключевые слова: лексика; ономастика; культура; питание; зерновые; овощи; грибы.

Духовная и материальная культура Пермского края описана этнографами, историками, путешественниками, составителями словарей преимущественно по материалам XIX-XX вв. [Белицер 1958; Гайдамашко 2007; Кирьянов 2007; Кривошеков 1914; На путях из земли Пермской 1989; Чагин 1991; Чагин 1993; Чагин 2002 а; Чагин 2002 б и др.]. Вместе с тем лексика (апеллятивы) и ономастика пермских рукописных и опубликованных деловых памятников второй половины XVI – начала XVIII в. дают возможность представить многие предметы быта и черты культуры жителей Пермского края в этот период истории Верхнего и Среднего Прикамья. Вместе с тем изучение особенностей материальной культуры позволяет полнее охарактеризовать определенные тематические группы лексики, семантику составляющих их слов, ономастику региона, черты формирующихся здесь говоров и складывающегося просторечия XVII-XVIII вв.

В статье представлены результаты анализа части материалов (тематическая группа «Питание: продукты растительного происхождения»), которые характеризуют хозяй-

ственную жизнь Прикамья в далеком прошлом. Мы рассматриваем эту работу как начало цикла статей о культуре жителей Пермского края в XVI – начале XVIII в., реконструируемой по данным языка.

Основным источником исследования явилась лексика пермских административных, судебных, имущественных и других документов, составленных в соответствии с узуальной нормой делового языка допетровской эпохи, которая продолжала действовать в Прикамье и в начале XVIII в. (до 1710 г.), а иногда и далее. В деловых актах отражена живая речь в показаниях истцов, ответчиков, свидетелей, а также при назывании предметов быта в различных описях имущества и при характеристике хозяйственных и других действий. Это привело к передаче на письме не только общерусской нейтральной лексики, но и сниженной, просторечной и диалектной.

К изучению привлечены также материалы переписных актов XVI – конца XVIII в. (писцовые, переписные, дозорные книги, ревизские сказки), фиксирующие большое количество некалендарных имен, прозвищ и

образованных на их базе фамилий жителей Пермского края. Основой этих именовании являлись апеллятивы – слова нарицательные. Ономастика переписей послужила источником восстановления лексики, употреблявшейся в живой речи, но не попадавшей в тексты документов. Реконструированная лексика нередко характеризует такие детали быта, которые не описаны в памятниках апеллятивами.

Основным источником пермской ономастики послужили те же документы, какие дали свод исследуемой лексики. Пермская лексика и ономастика представлена в составленных автором данной статьи «Словаре пермских памятников XVI – начала XVIII века» (далее СПП) и «Словаре пермских фамилий», (СПФ), а также в картотеках этих словарей.

Семантика исследуемой лексики устанавливается обычно на основе контекста, в котором употреблено анализируемое слово. Для уточнения значения слов проводится также сопоставление с материалами этнографических исследований и современных пермских (Акчим; СГТ; СПГ; СРГКПО) и других диалектных словарей, в частности обобщающего «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), в котором использована помета *Перм.* – ‘пермское’ для характеристики лексики Верхнего и Среднего Прикамья. Особое внимание уделяется данным диалектных словарей говоров Русского Севера (АОС, СГРС), явившихся источником живой речи Прикамья, а также среднеуральских говоров (СРГСУ, СРГСУ-Д), генетически связанных с пермскими.

Большую часть населения Пермского края в XVI – начале XVIII в. составляли крестьяне, государственные в Перми Великой, Соли Камской, Кунгурском и Осинском уездах и относящиеся к владениям именитых людей Строгановых. Крестьяне проживали в деревнях, погостах (селах), городках и острожках, в формирующихся в XVI-XVII вв. городах Чердыни, Усолье Камском (Соли Камской), Кунгуре. Быт других жителей городов (ремесленников, служителей церкви, подьячих, писчих дьячков, купцов, стрельцов (позднее солдат) и иных групп населения почти не отличался от быта крестьян. И бы-

товая лексика практически для всего населения была общей.

Русская речь могла звучать в Пермском крае с XII-XIV вв. В XV в. Пермь Великая входит в состав Московского государства, к концу XVII в. на территории Прикамья, судя по переписям и исследованиям историков, преобладало русское население. Вместе с тем русские проживали здесь в контакте с коми и шло активное взаимодействие русской речи с коми-пермяцкой, о чем свидетельствуют слова финно-угорского происхождения в русских текстах XVI-XVII вв. [Полякова 2008 а] и говорах XIX-XX вв. [Полякова 2008 б]. Взаимодействие привело к обогащению лексики каждого из языков, особенно в области бытовой лексики.

В питании жителей Пермского края XVI-XVIII вв. существенную роль играли продукты из выращиваемых здесь же зерновых культур. Еще до появления русских в Прикамье существовало подсечное земледелие, которое у коми-пермяков имело относительно высокий уровень, о чем свидетельствуют исследования историков и этнографов [На путях, 1989: 92], а также топонимия Перми Великой. Так, в чердынских памятниках XVII-XVIII вв. отмечаются коми-пермяцкие географические названия, содержащие в своем составе формант *-ыб* (*-иб*, *-еб*) из слова *ыб* ‘поле; засеваемое поле’: *Касиб* ‘Поле Кошки’, *Катасыб* ‘Поле на склоне’, *Лызиб* ‘Хвойное поле’, *Нияиб* ‘Поле у листовницы’, *Ураеб* ‘Беличье поле’. Ср.: *Земля на Курсибе на мысу* [Уд: 237]², *Досталось на Ния(у)бе треть полосы... Пожня под Ния(у)бом* [ЧМ 2561: 3], *Шутем*³ *званием на Ураебе* [ЧМ 2558: 5], *Шутем званием на Бастрыбе* [ЧМ 2558: 13], *Пожня*⁴ *на Катасыбе* [Уд: 237]. Некоторые из названий полей перешли в ойконимы расположенных рядом поселений: деревни *Нырыб* ‘Поле Носа’, *Ручиб* ‘Поле Лисы’ [Я: 24, 29], *Вилиб* ‘Новое поле’, *Ижиб* ‘Поле Овцы’ [КЧ: 77, 80] и другие.

Вместе с тем с приходом русских шло дальнейшее развитие земледелия: переход к трехполью, к регулированию удобрения и т.д. Появлялись и русские названия угодий со словами *поле* (*Большое поле*, *Дубовое поле*, *Кляпово поле*, *Мягкое поле*, *Култаево поле*), многие из которых также дали ойкони-

Полякова Е.Н. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). СТАТЬЯ 1.

мы, ср.: деревни *Большое Поле, Мягкое Поле, Дубовое, Кляпово, Култаево* [Пермская область 1963: 447-475].

Земледелие в Прикамье было сопряжено с постоянным отвоевыванием пахотной земли у леса. Приходилось разрабатывать *чертежи* – участки, на которых был сведен лес. Чтобы освободить от деревьев участок под пашню, на нем *чертили* лес, т. е. *подчерчивали* каждое дерево, нанося черты ударом топора и разрушая кору вокруг всего ствола, ср: *Чертеж против Березова острова над Камую а подчерчиван вязник и осинник и всякий лес*⁵ [Ш 3: 201], *Чертил отец мой... лес для пахоты в Кунгурском уезде на Большом поле* [КЗСИ: 475]; *Чертил мое займище Григориево на Бубыльской дороге со востоку Онания чертил и прищипал*⁶ [Уд: 238].

На таком *подчерченном* участке деревья высыхали, вымерзали, их сжигали и засевали землю, иногда бросая зерна в еще теплую золу, что сокращало период созревания растений. В первый год урожай на таком участке был очень высоким, но затем он снижался, через 5-7 лет поле оставляли незасеянным, т.е. оно уходило в перелог⁷, становилось шутеком.

Чертежи были распространены на территории и Верхнего, и Среднего Прикамья, их русское название *чертеж* укрепилось и в коми-пермяцком языке [КПРС: 533], вытеснив во многих местах коми синонимы *тыла* и *воль*. В Пермском крае возникали деревни с названием *Чертеж* [СГТ: 400], первая из которых отмечена Иваном Яхонтовым на реке Боровой в писцовой книге по Перми Великой 1579 г. [Я: 10 об.]. Сохранилось много микропонимов, образованных от термина *чертеж*: луг Чертеж в селе Вильгорт, поле Чертеж на реке Уролка, поле Чертежи у села Карагай и т.д.

Земледелие было осложнено не только большими затратами труда на подготовку участков, но и суровым климатом, особенно на севере края, в Перми Великой. Сохранилось несколько документов из Ныроба (старое название – Нырыб), в которых жители просят отменить подати: *У нас место у крайнее Подкаменное*⁸ *самое студеное хлеб мало родится и морозом озябает по вся годы* [Ш 3: 791]. Тем не менее в XVI-XVIII вв. зерно-

вые растили по всему краю и слово *хлеб* постоянно попадало в документы.

Земледельческая лексика в Перми Великой складывалась на основе говоров Русского Севера (ныне Архангельская и Вологодская области), так как именно оттуда шел основной поток крестьянской миграции в Верхнее Прикамье. Об этом свидетельствуют многочисленные пермские прозвища, а затем возникшие на их базе фамилии: *Белослудец* – переселенец из Белой Слуды на Северной Двине, *Вологжанин* – из Вологды, *Двинянин* – с Северной Двины, *Колмогоров* – из Холмогор, *Мезенец* – с реки Мезени, *Пинежанин*, *Пенягин* – с реки Пинеги и т.д. [СПФ].

В Прикамье XVI-XVII вв., как и на Русском Севере, лексика, обозначающая вспахивание земли, была образована от глагола *орать* ‘пахать землю’: *оранина, ораный, оранье, взораный, взорать, переарывать*. Ср.: *В их чертежах явилось старой оранины и вновь взорано по смете переездов десять* [КЗСИ: 439]; *Подал челобитную я сирота твой Васька на него Ивашка в насильстве в оранье в перемене... и тою ораною землю владеть мне Ваське* [КЗСИ: 2]; *По речке Кызгану взораных земель, что взорали кунгурцы* [КЗСИ: 439]; *В земли после сего друг к другу не вступатца... и меж не переарывать* [КМ: 66].

Глагол *пахать* пришел в Прикамье с деловым языком в официальных текстах, где употреблялся в оборотах *пашню пахать* ‘владеть пашенной землей и платить подати в соответствии с этим владением’, *пашенный крестьянин* ‘владелец земли под посев’, *беспашенный (непашенный) крестьянин* ‘лицо, не владеющее пахотной землей’, *хлеб пахать* ‘выращивать зерновые’, ср.: *Говорил он Федька что де он половничает и хлеб пашет исполу* [Полякова 1979: 54]. Семантика глагола *пахать* хорошо видна в отрывке из кунгурского акта 1687 г.: *Пахать исполу: посеяти нам исполишком⁹ вешнего севу ярового всякого хлеба 10 переездов... и тот хлеб нам исполишком ять... никакого хлеба не обронить и скотом не стравить и под снег не пустить и в клады скласть сухо и в кладях тот хлеб обгородить* [КА: 130]. Таким образом, *пахать* в данном тексте означает ‘вырастить хлеб, собрать его, сберечь от по-

травы скотом, от мороза, сложить в клады, которые следовали обгородить’.

В живой речи жителей Прикамья у глагола *пахать* лишь постепенно утверждается значение ‘взрыхлять землю под посев’. Он вытесняет синоним *орать*, хотя последний употребляется в речи старшего поколения в сельской местности до настоящего времени [Акчим. сл. 3: 120; СПГ 2: 47; СРГКПО: 171].

Все названия зерновых культур в пермских памятниках являются общерусскими. Общим названием для них было слово *хлеб*, вместе с тем оно зафиксировано с разной семантикой. Хлебом называли 1) зерновые культуры (рожь, пшеницу, овес, ячмень) на корню: *Потравили скотом своим насевного моего хлеба в бору ржи... и пшеницы озимовой без четверти сороковой переезд* [КЗСИ: 444]; 2) сжатые зерновые культуры: *Досматривал на поле... сжатого немолоченого хлеба ржи в кладе... и хлеб на овине насажен* [КЗСИ: 814]; 3) зерно: *В клети хлеба ржи четверик да овса два четверика* [КСАУ: 123]; 4) выпеченный хлеб: *Покрали у меня неведомые воровские люди на поле из стану мешок холщевый с хлебом печеным* [КЗСИ: 159]; 5) одна штука (буханка, каравай) испеченного хлеба: *Он де Федор ему Конану на дорогу дал два хлеба ярушников* [КЗСИ: 797].

Многочисленным является и образованное от него прилагательное *хлебный*, отмечаемое в сочетании с различными существительными, ср.: *хлебный извоз, хлебный недород, хлебная потрава, хлебное жалованье, хлебные запасы, хлебный бус, хлебное вино, хлебная пахота, хлебный анбар, хлебные полки, хлебные магазины, хлебный струг, хлебная квашня, хлебная память* (документ) и др. [СПП 6: 81].

В Прикамье выращивали такие зерновые культуры, как рожь, пшеница, ячмень и овес: *А как бог подаст и та нам рожь пожати вместе* [Уд: 237]; *Он истец ему Еремке семенного хлеба ржаного... не давал* [КА: 136]; *Пахать и сеять орженой и яровой хлеб* [КА: 150]; *Потравили скотом насевного моего хлеба... пшеницы озимовой 2 четверти* [КЗСИ: 444]; *Репишо засеять ячменем* [КМ: 37]; *У меня Михаила Бабинова полтора переезда овса съели по смете 5 овинов* [КЗСИ: 328].

Климатические условия Перми Великой требовали посева наряду с яровыми озимых культур, и в деловых документах с помощью слов *озимой, озимый, озимое, озимь* и *яровой, яровое, ярица*, постоянно уточняется, о каких зерновых идет речь. Озимой культурой была рожь, противопоставляемая в документах остальным, яровым культурам: *Того хлеба моей половины ржи 20 четвертей да ярового хлеба ярицы ячмени и овса 16 четвертей* [КА: 135]; *На монастырской земле монастырских семян сеять озимого ржи по мере а ярового овса и ячмени по две меры* [ГКЭ 17: 11261]. Рожь называли *озимью* и *ржаной озимью*: *Насевной озими и пшеницы озимовой переезда з два* [КЗСИ: 121]; *Досматривал на поле... насевной ржаной озими пеезда з два* [КЗСИ: 814]. Однако в памятниках отмечается и *озимая, озимовая пшеница*: *Потравили у меня... на поле насевного нежатого хлеба переезд ржи да переезд пшеницы озимовой* [КСАУ: 201]; *В кладях с овин ярицы с овин озимой пшеницы* [КЗСИ: 121]. *Ярица* в последнем тексте противопоставлена *озимой пшенице*. *Ярицей* называли яровую пшеницу в отличие от других яровых культур: *В клети хлеба... ржи четверик ярицы полтретья четверика ячмени полтора четверика* [КА: 4]; *Ярового хлеба ярицы ячмени и овса 16 четвертей* [там же]. *На поле в кладях с овин ярицы с овин озимой пшеницы* [КЗСИ: 121].

Изредка пшеницу в пермских текстах характеризовали как *летнюю* или *зимовую*: *Овина з два ячмени с овин пшеницы летней* [КЗСИ: 121]; *Насевного хлеба пшеницы зимовые по смете четыре овина* [КСАУ: 204]. Слово *зимовой* в таком употреблении (*зимовая рожь*) отмечается в других русских памятниках и в историко-лингвистическом словаре [СлРЯ XI-XVII вв. 5: 391], но слово *летний* в характеристике хлеба не встретилось в других памятниках и отсутствует в этом словаре. Вместе с тем оба слова отмечаются в говорах XIX-XX вв. [СРНГ 3: 279; СРНГ 17: 18]. Это дает основание считать слова *летней* и *зимовой* в характеристике зерновых попавшими в пермские тексты из живой речи, из говоров. При редактировании документов писцы обычно заменяли их принятыми в деловом языке словами *яровой* и *озимой*.

Посев яровых называли словосочетанием *вешний сев* или словом *вешная*: *Посеяти нам исполиком вешнего севу ярового всякого хлеба 10 переездов сороковых* [КА: 130]; *Прежний муж ея Федосьицын на ево Ефремкове лошаде вешнюю сеял* [КА: 125]. В пермских говорах XIX-XX вв. в таком значении отмечается слово *вёшна* [СПГ 1: 94].

Зерновые в Прикамье XVI – начала XVIII в. мололи на мельницах разного вида: *Да тое ж деревни Сереговы мельницы колотовки на ручью* [К: 61]; *Сожгли у меня мельницу мутовку на речке Березовке* [КСАУ: 1009]; *Мельница на ручью мутовочная мелет хлеб* [АПМ: 61 об.]; *На той речке на Толыче ему Богдану поставит мельницу мутовчатую* [Ш 2: 164]; *Посадького человека Андрея Клестова на речке на Черной мельница немецкое колесо* [Я: 6].

В писцовых и переписных книгах XVI-XVII вв. помимо населенных пунктов отдельно отмечаются как поселения мельницы: *Да на реке ж на Усолке 2 мельницы колесныя а оброку с них три рубли* [К: 140]. Обслуживали мельницу *мельник* и *засыпка* ‘работник на мельнице, подносящий мешки с зерном и засыпающий зерно для помола’: *Двор монастырской где живет мельник и засыпка* [АПМ: 167]. Слово *засыпка* дало фамилию Засыпкин и сохраняется в пермских говорах до настоящего времени: *Мельник был и засыпка. Засыпка он как помощник, он примет зерно, он сосчитат* [СРГКПО: 105].

В пермских материалах много текстов, в которых упоминаются продукты, полученные из злаковых культур (*мука, крупа, толокно, солод*) и используемые для приготовления пищи. Чаще всего упоминается *мука*: *Унесли с той мельницы два четверика муки ржаной неведомо хто* [ЧА: 144]; *В мешках три осмины муки пшенишной... згорело в мешках три осмины муки пшенишной* [КЗСИ: 1009]; *Четверть муки овсяной... осмина муки яшной* [КСАУ: 698].

В процессе работы на мельнице появлялась мучная пыль – *бус*, который собирали и использовали как муку: *Привели в Чердынскую приказную избу... с поличным з бусом хлебным Офонку да Пантелейка Розепиных* [Ар. к. 6: 1421]; *Привод... с покраденным хлебным бусом Петрушки Игумнова* [РСЧ

8:44]. Это слово отмечается в диалектных словарях пермских говоров XX в.: *В войну-то зерна мало было, так мы когда его молотили, весь бус, пыль мучную, со стенок сметали, дак потом хлеб пекли из нее* [СПГ 1: 67]; *Раньше хлеб-от пекли, сеяли муку – дык полным-полно на стенках бусу-то насадится* [Акчим. сл. 1: 101]. От него образованы синоним *бусенец* и глагол *бусить* ‘распространяться в виде мельчайшей пыли’ [там же]. Из русских говоров Прикамья слово попало в коми-пермяцкий язык: *бус* ‘мельничная пыль’ [КПРС: 47].

До настоящего времени слово *бус* не найдено в русских памятниках других территории России. Оно не зафиксировано в «Словаре русского языка XI-XVII веков», а в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков» отмечено только по чердынским документам [СОРЯМР 1: 310]. Оно является диалектным в настоящее время [Архипенкова 2007: 71]: в «Словаре русских народных говоров» зафиксировано только в вятских, пермских и сибирских диалектах, в которых отмечаются также образованные от *бус* ‘мучная пыль’ синонимы *бусок* и *бусь* [СРНГ 3: 307, 308], слова *бусиха* ‘мельница’, *бусовик* ‘сторож на мельнице, заметающий и хранящий мучную пыль’ [СРНГ 3: 302, 305], словосочетания *бусовитое сито* и *бусовое сито* [СРНГ 3: 306].

Источником исследуемого слова в Прикамье были говоры Русского Севера (архангельские), в которых зафиксированы *бус*, *бусица*, *бусок* ‘мучная пыль’, *бусак* ‘ковш для пива’, *бусник* и *бусовик* ‘хлебное изделие из мучных высевок или отходов от помола’ или ‘пирог из гороховой муки’, *бусной* ‘предназначенный для муки’ [АОС 2: 185-187; СГРС 1: 226, 229].

В Пермском крае широко использовались ячневая (из ячменя) крупа и овсяное толокно: *В том анбаре запечатано... полосмины круп яшных* [КА: 262]; *У него Якова на Кунгуре в дому хлеба пшеницы и ржи и муки ржаной и круп яшных* [КЗСИ: 358]; *Да вместо круп и толокна дватцетъ две четверти ржи* [Ар. к. 3: 933].

В приготовлении пищи и напитков использовался *солод*, полученный из пророщенных, высушенных и размолотых семян

Полякова Е.Н. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). СТАТЬЯ 1.

злаков: *Осмина муки яшной полосмины солоду немолотого* [КСАУ: 698]; *Полторы осмины солоду молотого* [РГАДА 829: 1001]. В памятниках упоминаются *солодовни*, в которых проращивали семена, и процесс изготовления солода – *солодородение*: *Да за монастырем же солодовня растут в ней хлеб на монастырский обиход на квас* [АПМ: 61 об.]; *Всяких мелких промыслов квасу сула масла конопляного и коровья ветчинного сала солодородения... на откуп не давати* [АПМ: 158].

В XVI – начале XVIII в. мерой сыпучих тел, в частности муки, круп, толокна, молотого солода, была *кадь* [СлРЯ XI-XVII вв. 7: 13]. В пермских памятниках, когда идет речь о зерне, обычно фиксируются части этой меры – *третник*, *четверть*, *четверик*, *четь*, *осмина* или их части: *За 307 четвертей с полуосминою и за полчетверика и за малый третник круп и толокна* [Ш 3: 489]; *В том анбаре четверть пшеницы яровой* [КЗСИ: 128]; *Осмина муки яшной* [КСАУ: 698]; *3 осмины овса полосмины пшеницы полосмины круп ячных* [КА: 252]; *Полполчетверик муки ржаной* [Ш 2: 441].

Но на севере Пермского края в середине XVII в. для измерения муки и круп использовали такую меру сыпучих тел, как *позмог*: *Пшеницы же семенной б позмог да на нем же Пимене взяти муки позмог пшеничные* [Уд: 237]; *Ржи три позмоги да хмелю полбезмена да ячменю позмог* [Уд: 238]. Все случаи употребления этого слова записаны от жителей чердынского погоста Цыдвы.

В этом же значении слово отмечается лишь в одном из северных русских актов: *Собрали крупы и толокна... обоего пополам, в вес в государев железной позмог... Всякая четь мука и крупы и толокна в вес в государев железной позмог в пять пуд* (СлРЯ XI-XVII вв. 16, 118).

Вместе с тем в пермских текстах 1623 г. оно встречается и в совершенно ином значении – как географический термин или топоним: *Пожня на усть речки Усолки, а межа от Усолки-речки, от Лиханкины пожни, с нижнюю сторону от Позмога да с нижнюю ж сторону от Панкратовские пожни*. Попытки установить этимологию слова *позмог*, найти однокоренные слова в каких-либо источниках привели пока только к обнаруже-

нию в коми-зырянском (удорском) говоре глагола *позмгасьсьыны* ‘застрячь, задержаться где-либо’ [ССКЗД: 290]. Эта семантика глагола дает возможность рассматривать как связанные два разных значения слова *позмог* в пермских текстах: 1) емкость, в которой остается (застревает) при измерении часть сыпучих тел; определенное количество, мера сыпучих тел; 2) то, в чем застревает (утопает, увязает) кто-либо, т.е. топкое место. Их связывает общая сема ‘застревать’. По-видимому, слово *позмог* коми происхождения.

Обычно заимствованные русскими в XVI-XVII вв. коми слова отмечаются в настоящее время и в коми-пермяцких, и в коми-зырянских говорах: *шором*¹⁰, *шутем* и др. Слово *позмог*, судя по источникам исследования, либо попало к русским из коми-зырянского языка, либо существовало в прошлом и в коми-пермяцких, однако со временем исчезло.

В пермских памятниках XVII – начала XVIII в. представлены названия пищи, приготовленной из продуктов, полученных из зерновых. Хлеб округлой формы называли *колачем*: *Паворозы¹¹ ему дала выняв из пристена татарка девка Куллика и говорила она ему чтоб он шел и заложил на колачех... принес к ней паворозы шелковые и дал ей в закладе в копеешном колаче* [КА: 10].

Другое название такого хлеба – *челпан*: *Взял два челпана хлеба* [КСАУ: 566]; *Несла челпан хлеба* [КСАУ: 708]. Это слово было распространено на широкой территории в Пермском крае и сохранилось в современных русских говорах: *Челпаны на руках помесишь, потреплешь и на доску... Она все из оржаной муки* [СПГ 2: 524]; *Раньше челпаны из пшенисной муки пекли, счас хоть из какой... К жениху-то невесту везут, ей дают от жениха-то родители хлеб-челпан* [СРГКПО: 258]. Слово заимствовано из коми-пермяцкого языка (*човпан* ‘каравай’ [КПРС: 540]), отмечается в коми-зырянских говорах (*чцвпан*, *чцлпан* ‘каравай, коврига’ [ССКЗД: 417]) и, возможно, восходит к прапермскому языку [КЭСКЯ: 310].

Существовали и другие названия печеных или жареных хлебных изделий. К сожалению, они не попали в тексты как слова нарицательные, но об употреблении их сви-

Полякова Е.Н. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). СТАТЬЯ 1.

детельствует ономастика. В XVI-XVII вв. появлялись прозвища людей метафорического характера, возникшие в результате сравнения человека с каким-либо предметом. Многие из них легли в основу формирующихся в этот период семейных именованных – фамилий. В основе пермских фамилий оказалось немало «хлебных» именованных, либо данных полным людям, либо образованных в каких-то особых ситуациях, связанных с хлебными изделиями. Ср. зафиксированные в пермских памятниках фамилии Алябышев, Блинов, Житнухин, Житнушкин, Капустников, Катышев, Ковригин, Короваев, Козулин, Колобов, Кулебакин, Левашов, Лепехин, Лепешкин, Мякишев, Мяконькин, Мякотников, Оладнев, Пирогов, Пирожков, Пресняков, Прянишников, Пшенишников, Пыжов, Репников, Ситников, Соковнин, Сыромолотных, Шаньгин, Ягодников [СПФ].

Апеллятивы, ставшие основой этих фамилий, употребляются в пермских говорах до настоящего времени. Часть их называла печеный, обычно круглый хлеб разной величины, ср.: *альябыш* – *Алябыши* из солоду замешаны в печи испекены... Я тебе привезла два *альябышка* на квас, [СПГ 1: 10]; *катыш* ‘колобок’ [СРНГ 13: 137]; *коврига* – *Ныне ведь ковригами* хлеб-от продают, в магазинах-то, и стряпать не надо бабам [СПГ 1: 399]; *коровай* ‘каравай’; *мякиш* ‘булка’ [СРНГ 19: 78]; *мяконьки* ‘хлеб из мелко смолотой муки’ – *Стала мяконьки* катать, по сусекам собирать [СПГ 1: 534]; *мякотник* ‘хлеб из ржаной или овсяной муки’ [СРНГ 19: 80]; *пресняк* ‘печеное изделие из пресного теста’ [СРНГ 31: 93]; *пшеничник* – *На праздник пшеничники* пекли. *Пшеница-то* белая, а белый хлеб только ко празднику пекли [СПГ 2: 250]; *ситник* ‘хлеб из просеянной ячменной муки’ [СРНГ 37: 354]. Из теста и пекли, и жарили *блины*, *оладьи*, *лепешки*. Готовили к праздникам *пряники* и *козули*, *козулечки* ‘рождественское печенье в виде фигурок животных’ – *Козулечки* настряпают – и рога, и хвостик, и ножки выстряпают’ [СПГ 1: 401].

Пекли пироги и пирожки с разной начинкой, ср.: *пирог*, *лепеха* ‘пирог’ [СРНГ 16: 362]. Название пирога зависело от названия его начинки, ср.: *капустник* ‘пирог с капустой’ – Я люблю *капустники*, стряпаем их

частенько. Свежую капусту изрубилшь, кипятком заваришь, отожмешь горесть-ту, сметанки добавилшь; тесто изладишь [СПГ 1: 377]; *репник* (*рипник*) ‘пирог с репой’ – *Поешь пироги-рипники. Правда* масло замерзло на них уже [СПГ 2: 289]; *соковой пирог* ‘пирог, испеченный из теста, замешанного на «соке» - осадках перетопленного сливочного масла’ – *Соковые пироги хороши*, вкусные [Акчим. сл. 5: 113], *соковина* ‘пирог с конопляным семенем’ – *Вкусная соковина* ноне вышла [СРГСУ 6: 38].

Неудачный пирог или другое мучное изделие называли *кулебакой*: *Кулебака* – *которой не удастся хлеб-от. Пирог сѣдни у меня кулебака* вышел [СПГ 1: 449]. Такой хлеб получался иногда из *сыромолотой* (сыромолотной) муки, т.е. полученной без предварительной сушки зерна в овине – *Сейчас почему хлеб плохой? Потому что мука-то сыромолотная* [СПГ 2: 430].

Пекли *пыжи* – пирожки из смеси различной муки [СРНГ 33: 187], пирожки с ягодами – *леваши*, *левашки* [СРНГ 16: 306], шаньги с кашей, ягодами, творогом: *житнуха* ‘ватрушка из ячменной муки’ [СРНГ 9: 192]; *шаньга* ‘печеное изделие в виде ватрушки или лепешки’: *Налевка для шанег* бывает... из каши, из заспы [СПГ 2: 541]; *ягодник* ‘шаньга ягодная’: *Ягодник* стряпали, рострепелшь тесто на жаровнике, польешь ягодами, вареньем. То же самое звали *шаньга* ягодная [СПГ 2: 570].

В пермских памятниках упоминаются некоторые предметы, используемые при подготовке теста и изделий из него: *сельница* ‘деревянный лоток, на который сеют муку и на котором раскатывают тесто’, *сито*, *квашня*, *решето*: *Посуды две кади сельница сито квашня* [КЗСИ: 358]; *блинная сковорода*: *В онбаре ... топор дроворубный сковорода блинная* [КЗСИ: 123].

Фамилии XVI-XVIII вв. (*Колобов*, *Опарин*, *Пирожников*, *Сподобин*) и сопоставление с данными диалектов XIX-XX вв. дают возможность реконструировать названия предметов и продуктов для подготовки хлебных изделий и дополнить список лексики XVI-XVIII вв.: *опара* ‘закваска для теста’: *У нас на огороде все как на опаре* киснет – *добрая земля* [СПГ 2: 43]; *колоб* ‘ком, скатанный из теста’ [СРГСУ 2: 38]; *пирожник*

‘скалка для раскатывания теста’: *Раскатывают тесто пирожником. Пирожник делается из дерева, ручки маленькие, тонкие, чтобы держатся было ладом, а в середине толстый, чтоб раскатывать можно* [Акчим. сл. 4: 45]; *сподоба* ‘сдоба, молоко, масло, яйца и т.п., добавляемые в тесто для вкуса’ [СРГСУ-Д: 515].

Фамилии Лапшин и Пельменев [СПФ: 210, 286] свидетельствуют об употреблении пищи из вареного теста (*лапша, пельмень*). Заимствование из коми-пермяцкого языка *пельмень*, образованное из слов *пель* ‘ухо’ и *нянь* ‘хлеб’ («хлеб в виде уха»), подверглось при вхождении в русские говоры Прикамья фонетическим изменениям. В части *нянь* Н > М, а гласный А после мягкого согласного под ударением перед мягким согласным перешел в Е, как в русских диалектных словах *грезь* (*грязь*), *опеть* (*опять*). Однако в XVII-XVIII вв. процесс адаптации слова *пельнянь*, видимо, еще не завершился: в пермской ономастике отмечается и фамилия Пельменев [СПФ: 286]. Слово *пельмень* еще не утвердилось в русском языке, его не отмечает «Словарь русского языка XI-XVII вв.». Не исключено, что пермская (кунгурская) фамилия Пельменев, записанная в 1686 г. (*Житель города Кунгура Федотко Пельменев* [КА: 117]), является самой ранней фиксацией основы *пельмень* в русской письменности.

Пельмени с древности были распространены в Прикамье, они были удобной пищей для охотников, зимой уходивших на промысел надолго и далеко. Можно было быстро растопить на костре снег в котелке (*котлике*: *Котлик медной ветхой красной меди* [КЗСИ: 814]) и сварить пельмени, которые были сытной пищей из хлеба и мяса одновременно.

Однако, судя по исследованиям материалов XIX-XX вв. [Чагин 1991: 77] и современному приготовлению пельменей в Прикамье, их делали не только с мясом, но и с рыбой, капустой, редькой, репой, грибами, творогом. Видимо, так было и в XVI-XVIII вв.

Крупы (в памятниках, преимущественно ячневая) использовались для приготовления каш. Однако словом *каша* называли не только пищу, сваренную из крупы, но и продукты питания в целом (преимущественно кру-

пы и муку): *Где ему старцу жить построить келью и кашу и одежду и питье давать ему им земским старостам с мирскими людьми* [Ш 51: 222].

В памятниках отмечается слово *кашевар* ‘повар’ (*До Перми генваря с числа найму три рубля дватцать алтын с денгою послон по четыре денги человеку кашеваром их по три денги человеку на день* [Ар. к. 2: 708]) и фамилии Кашев, Кашин, Кашкин, Кашеваров [СПФ: 160] и Густокашин [СПФ: 108] и прозвище Мерзлая Каша: *Крестьянин деревни За Осиновым Федька Иванов сын Мерзлые Кашу* [Е: 123].

Фамилия Саламатов [СПП: 314] свидетельствует об употреблении каши из муки, ср.: *саламата* ‘жидкий кисель, мучная каша, болтушка’: *Пойду-ка саламату заварю* [СПП 2: 314]. Фамилия Сальников [СПФ: 333] могла быть образована из многозначного слова *сальник*, одно из значений которого (‘овсяная каша с маслом или с салом’) отмечено в архангельских и вологодских говорах [СРНГ 36: 68], связанных с русской речью Перми Великой.

С мукой или крупой могли варить жидкое кушанье (род супа): *року* (ср. фамилию Рокин) ‘похлебку с крупой’ или ‘похлебку из ржаной муки с рыбой’ [СРНГ 35: 3], *репню* (ср. Репнин) ‘похлебку из рубленой репы с крупой или мукой’ [СРНГ 35: 72], *бебеню* (ср. Бебенин) ‘жидкое кушанье из солода’ [СРНГ 2: 168]. Эти названия не зафиксированы в современных пермских говорах, но они отмечаются в других севернорусских источниках.

Распространенным кушаньем была *тюря* (ср. пермскую фамилию Тюрин [СПФ: 388]) ‘хлеб или сухари, корки, покрошенные в воде с солью; хлебная крошка на квасу, ино с луком’ [Даль 4: 451].

Возникшие в Прикамье фамилии Кулагин и Сырчиков [СПФ: 202, 368] говорят о приготовлении в XVI-XVIII вв. изделий из муки или крупы с яйцами, сметаной и другими продуктами, ср. в современных пермских говорах: *кулага* ‘тестообразное кушанье из ржаной муки и солода (иногда с ягодами)’: *Кулага – это замешают просяной солод, не шибко густо; иногда клюкву бросят* [СПП 1: 448]; *сырчик* ‘мучное изделие в виде шариков из творога, яиц, сметаны’ [СРГКПО:

235]. Однако слово *сырчик* называло в коми говорах птицу трясогузку и могло попасть в пермскую антропонимию в этом значении.

Лексика и ономастика памятников донесли до нас только часть названий различной пищи из муки и крупы, но и эта часть свидетельствует о широком употреблении злаковых культур. Они играли существенную роль и в приготовлении напитков (*кваса, гущи, браги, пива, вина*).

Большое место в питании жителей Пермского края XVI-XVIII вв. занимали огородные культуры. В исследуемый период еще не был известен картофель, главными овощами, судя по лексике, были капуста и репа. В документах обычно отмечаются *огороды* (чаще *огородцы*) *капустники* и *конопляники*: *Два огорода один огород конопленик а другой капустник* [КМ: 1]; *У того двора с подгорья огородец капустник* [КМ: 15]; *Подписал яз Прокопей ему Григорью на Цыдве погосте огородец конопляник* [Уд: 244].

Конопля была важна в хозяйстве, так как давала волокна для грубого холста (*Два конца холсту конопляного мерою 28 аршин* [КЗСИ: 786]), а также конопляное семя и конопляное масло, используемые в пище: *Купити масла коровьяго и конопляного* [Ш 2: 285].

Большие площади – *репища* – были засеяны репой: *Да мне ж Семену досталось репище под двором в межах с сиверу и з западу круг того репища гсдрвы улицы* [ЧМ 2561: 37]. Репы выращивали много: *Искал судом я сирота ваш на нем Сеньке за потравленной свой хлеб и за репу пяти рублей 28 алтын* [КА: 65].

Апеллятивы *капуста* и *репа* становились прозвищами, давшими фамилии Капустин, Капустников, Репин, Репнин, Репнинов, Репняков [СПФ: 156, 320, 321]. Словом *капустник* называли не только огород под капустой, но и пирог с капустой (см. выше). Отмечаются в документах Прикамья слово *редька* (*И в том огороде сеяна общая ретка* [ПКМ: 127]) и фамилии Редькин, Редькиных [СПФ: 321], а также фамилия Кушманов из коми-пермяцкого названия редьки *кушман* [КПРС: 207]. Видимо, выращивали в Прикамье и брюкву, которая, судя по фамилиям Калюшев, Колегин, Ланкин [СПФ: 155, 173], могла иметь несколько названий: *калюша,*

ланка и *колега* (или *калега*, как в настоящее время). Ср.: в пермских говорах XIX-XX вв. *колега* [СРНГ 14: 122], в других русских диалектах: *калюшка* [СРНГ 13:10], *ланка* [СРНГ 16: 255]. Пермские фамилии Печеницын и Печенкин [СПФ: 292, 293] образованы от прозвищ из слов *печеница* и *печенка*, которыми называли печеные репу и брюкву [СРНГ 26: 347, 349]. До настоящего времени сохранилось в говорах Прикамья название *паренки* ‘пареные в печи репа, брюква, морковь’ (ср. фамилию XVII в. Паренкин [СПФ: 282]): *Парёнки есть всякие. Репу на парёнки сушили: соломы в печку настелют, на солому репы накладывают, вместе с корой, и печку замажут, с утра до утра.* [СПГ 2: 75].

В прошлом широко употреблялся в пищу горох: *Будучи де на Мяхком поле созвал де он Савка ево Сидорку горох молотить* [КЗСИ: 121].

В пермских документах зафиксированы прозвища Огурец и Чеснок, свидетельствующие о выращивании соответствующих растений: *Житель Усоля Камского Фед(ь)ка Огурец* [КС: 156 об.], *Крестьянин починка На Горе на реке Чусовой Федька Андронов сын Чеснок* [Е: 134].

Однако не все названия огородных растений попали в исследованные пермские памятники или в прозвища и фамилии. Так, не упоминаются морковь и лук, хотя сопоставление пермских материалов с другими источниками свидетельствует об их употреблении в прошлом.

В Пермском крае всегда подспорьем в питании были грибы и ягоды, названия которых, к сожалению, не представлены в пермских памятниках как апеллятивы, но отмечаются как основа прозвищ и фамилий. Так, об использовании грибов могут свидетельствовать пермские фамилии XVI-XVIII вв. Грибов, Боровиков, Быков, Вогненкин, Еловиков, Кульбиков, Масленников, Матрехин, Пыжев, Синевин, Синягин [СПФ]. Приведем результаты сопоставления их с данными диалектных словарей, позволяющих установить, от названий каких грибов образованы антропонимы. Часть названий грибов существует в современных пермских говорах и приводится в словарях.

Бык ‘гриб валуй’: *Быки, оне всех первее растут из соленых-то грибов; оне горькие,*

их мочить надо; мало скрасна, кругленькие, низенькие [СПГ 1: 71].

Еловик – в одних местах (Чердынский район) так называют белый гриб: *У нас белые-то грибы еловиками зовут* [СПГ 1: 247]. В других (Соликамский район) – гриб рыжик: *Еловик есть, рыжик, токо жарим его; он растет около ёлочек, около маленьких. Одне рыжики боровые, а другие рыжики – еловики: еловики не мочат, токо заваривают* [там же].

Кульбик ‘гриб валуй’: *У нас боле быками зовут эти грибы, а которы опять говорят кульбики... В прошло лето совсем ни одного гриба не принесла, только кульбиков насолила.* [СПГ 1: 450].

Масленник ‘гриб масленок’: *Идти по-за полю, немного в стороне масленники и растут... Масленник – тожé сухопутной гриб, его сушат; он жёлтенькой ли чё ли, оболочка у его верхняя снимается, она слизкая* [СПГ 1: 507].

Другие слова, хотя и не попали в пермские источники XVI-XVIII вв., также могли называть виды грибов в Прикамье, так как отмечаются в севернорусских говорах.

Боровик ‘гриб подосиновик’ или ‘гриб рыжик’: *У боровика головушка красная, растёт под осиной; Рыжики, которы на борах растут, боровики* [СГРС 1: 154].

Пыж ‘гриб дождевик’ [СРНГ 33: 187].

Матрехи ‘вид грибов’; *матрешка* ‘гриб свинушка тонкая’: *А матрешки, они широки и они черны. Я новеньку матрешку сорвала, белу, ядрену* [СРНГ 18: 36].

Иногда диалектные названия грибов близки основам пермских фамилий (Вогненкин, Синевин [СПФ: 82, 347]).

Вогневец ‘гриб волнушка’: *Раньше вогнецы белые были, щас ничего не стало* [СГРС 2: 135].

Синявка ‘гриб сыроежка’: *Из синявок губницу варят. Синявки и солить можно* [СРНГ 37: 341].

Однако можно лишь предполагать, что фамилии Пыжев, Матрехин, Вогненкин, Синевин образованы от прозвищ из названий грибов. Слова, давшие фамилии, могли иметь в пермских говорах и другие значения.

Названия ягод тоже не попадали в тексты деловых памятников как слова нарицательные, но отмечаются в Прикамье XVI-XVIII

вв. как основы прозвищ (Берсень, Малина) и фамилий (Жаравихин, Морошкин, Смородинин, Черницын). Ср.: *берсень* ‘крыжовник’: *Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Иванко Берсень* [Я: 34 об.]; *малина*: *Крестьянин деревни Советная Петр прозванием Малина* [КЗСИ: 1031]; *жаравиха* ‘клюква’: *Крестьянин деревни Усть-Уролка Иван Пантелеев сын Жаравихин* [Ч: 65]; *морошка*: *Чердынец Ивашко Морошкин* [РСЧ 4: 89]; *смородина*: *На мельнице на речке Пыскорке помольщик Сенька Смородинин* [Е 1: 12 об.]; *черница* ‘черника’: *Беспашенный крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Анисимко Черницын* [Я: 22.].

Использовались также плоды черемухи и шиповника, ср.: *Черемхин* от черемха ‘черемуха’ – *Чердынец Тереха Черемхин* [Я: 13 об.]; *Шипицин* от шипица ‘шиповник’ – *Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Петрушка Петров сын Шипицын* [КЧ: 104].

Ягоды употребляли в свежем виде, в виде начинки ‘начинки’ или наливки ‘заливки’ в печеных изделиях и заготавливали впрок, о чем может свидетельствовать слово *леваш* (ср. фамилию Левашов [К: 193]). В севернорусских говорах *леваш* – ‘род смоквы или сухого варенья, приготавливаемого из протертых ягод (редко с добавлением сахара или меда), высушенных на специальных досках (на солнце или в печи) в виде тонкого листа’ [СРНГ 16: 306].

Использовали и орехи, ср. прозвище Орех: *Игнашко Семенов сын Орех с сыном Савкою* [К: 141]. Это могли быть кедровые орехи, кедры росли в Верхнем Прикамье: *Веретя от Сергиева камени и от кедра вниз по Каме* [Ш 2: 304].

В пермских памятниках нет специальных текстов, посвященных описанию питания в крае. Однако изучение многочисленных фрагментов деловых текстов разных жанров способствовало выявлению названий употреблявшихся в Прикамье продуктов питания и видов приготовленной из них пищи. Рассмотрение лексики в контекстах памятников и в сопоставлении с материалами историко-лингвистических и диалектных словарей позволило установить семантику выявленных слов и представить тематическую группу лексики «Питание: пища из продуктов растительного происхождения», а также харак-

Полякова Е.Н. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). СТАТЬЯ 1.

теризуемую ею область быта русских жителей Пермского края. Анализ языкового материала показывает, что питание в XVI – начале XVIII в. было основано на продуктах, полученных из растений, выращенных в Прикамье.

Сопоставление полученных материалов XVI – начала XVIII вв. с описанием этнографами данных второй половины XVIII-XX вв. свидетельствует о последовательном развитии быта русских в Прикамье, о сохранении многих навыков, традиций в питании на протяжении ряда столетий, о связях Прикамья и Русского Севера в этой области быта. Это актуально как для этнографии, так и для истории языка, т.е. для описания отражения культуры и истории в лексике и ономастике Пермского края.

Вместе с тем исследование языка памятников письменности в этнографическом аспекте дает возможность охарактеризовать некоторые особенности лексики тематической группы «Питание» и связанной с нею ономастики. Так, названия злаковых культур представлены общерусскими словами; в то же время среди названий приготовленной пищи достаточно много диалектизмов (*алябыш, мякиш, рипник* и др.), реконструированных по данным ономастики. Диалектная лексика Прикамья XVI-XVIII вв. совпадает с данными других севернорусских говоров, кроме того содержит заимствования из коми-пермяцкого языка (*кушман, пельмень, челпан*), что свидетельствует о тесных бытовых связях народов Пермского края.

В следующей статье будут рассмотрены лексика и ономастика пермских памятников, отражающие мясной, молочный и рыбный стол жителей Пермского края, и представлены общие выводы о культуре питания в Прикамье XVI-XVIII вв.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У, № 08-04-82408, № 08-04-82410 а/У, № 09-04-82402 а/У, № 09-04-82403 а/У.

² Аббревиатуры названий источников даны курсивом в отличие от аббревиатур в списке литературы. Цитаты из текстов памятников и из записей говоров

также даются курсивом, исследуемое слово в них выделяется полужирным шрифтом.

³ Шутем – оставленное поле, заросшее травой и кустарником.

⁴ Пожня – место покоса, заготовки сена.

⁵ В цитатах буква «ять», употреблявшаяся в памятниках непоследовательно, передается как «е» (ср.: *лес*). Знаки препинания в пермских и других русских деловых текстах XVI – начала XVIII в. не употреблялись, в цитаты они не вводятся.

⁶ Прищипать – очищать от пней.

⁷ Перелог – участок ранее возделываемой земли, оставленный без вспашки, залежь.

⁸ Место крайнее Подкаменное – расположенное на окраине России XVI-XVII вв. около Камня, т.е. около Уральских гор.

⁹ Исполщик – работающий на кого-либо за половину урожая.

¹⁰ Шором – скирда, кладь хлеба.

¹¹ Паворозы – ленты.

Источники

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Кол. 115. № 388. Л. №.

Ар. к. – *Пермские* документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 122. Короб. №.

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии. Рукопись. РГАДА. Ф. 281. Оп. №.

Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87-146.

Е 1 – Список с переписных книг Соли Камской переписи воеводы Прокофья Кузмича Елизарова 7155 (1647) году марта в 27 день. Рукопись. ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. № 18.

К – Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623 года. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308. Л. №

КА – Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.). СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Ф. 687. Оп. 1. Ед. хр. №.

КМ – Соликамские столбцы XVII в. Рукопись. Кунгурский краеведческий музей. Док. №.

КС – Писцовая книга Михаила Кайсарова Соли Камской 1623 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 208. Л. №.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII

Полякова Е.Н. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). СТАТЬЯ 1.

вв. Рукопись. РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Ед. хр. №.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская краевая библиотека им. А.М.Горького. Ф. редкой книги. № 61593. Л. №.

КЧ – Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308. Л. №.

ПКМ – Свитки XVII в. Рукопись. Пермский краевой музей. Фонд 11101. Ед. хр. №.

РГАДА – Кунгурская таможня. Рукопись. РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Ед. хр. №.

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. г. Чердынь. Л. №.

Уд – Удинцев В. История займа / В.Удинцев. Киев, 1908.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. № 2357. Л. №.

ЧА – Спасский Г. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // *Временник Московского общества истории и древностей российских*. М., 1857. Кн. 25.

ЧМ – Чердынские свитки XVII-XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Ф. № 2558, 2561. Л. №.

Ш – Шишонко В. Пермская летопись. Периоды 1-5. Пермь, 1880-1889.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308. Л. №.

Список литературы

Акчим. сл. – *Словарь* говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / Под ред Ф.Л.Скитовой. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003. Вып. 1-5.

АОС – *Архангельский* областной словарь / Под ред. О.Г.Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. Вып. 2.

Архипенкова И.С. Группа слов с корнем бус ‘мучная пыль’ в русских диалектах XIX-XX вв. // *Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: Материалы и исследования* / Перм. ун-т. Пермь, 2007. Ч. 1. С. 71-74.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Гайдамашко Р.В. Финно-угро-самодийские заимствования в системе охот-

ничей терминологии Северного Прикамья // *Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: Материалы и исследования* / Перм. ун-т. Пермь, 2007. Ч. 2. С. 216-223.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1955.

Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: «Книжный мир», 2007.

КПРС – *Коми-пермяцко-русский* словарь / Сост. Р.М.Баталова, А.С.Кривошекова-Гантман. М.: «Русский язык», 1985.

Кривошеков И.Я. Географический и статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

КЭСКЯ – *Краткий* этимологический словарь коми языка / Сост. В.И.Лыткин, Е.С.Гуляев. М.: Наука, 1970.

На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII-XX вв. / Отв. ред. В.А.Александров. М.: Наука, 1989.

Пермская область: Административно-территориальное деление. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1963.

Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения: Учебное пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. Пермь, 1979.

Полякова Е. Н. Коми-пермяцкие материалы в рукописных пермских памятниках XVI-XVIII вв. // *Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: Материалы межрегиональной научной конференции* / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2008 а. С. 27-37.

Полякова Е. Н. Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края // *Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии (Материалы и исследования)*. Вып. 2. Пермь, 2008 б. В печати.

СГТ – *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. ун-т. Пермь, 2007.

СлРЯ XI-XVII вв. – *Словарь* русского языка XI-XVII веков. М.: Наука, 1975-2008. Вып. 1-28.

СОРЯМР – *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков /

Полякова Е.Н. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). СТАТЬЯ 1.

Под ред. О.С.Мжельской. СПб.: Наука, 2004. Вып. 1.

СПГ – *Словарь пермских говоров* / Ред. А.Н.Борисова, К.Н.Прокошева: В 2 вып. Пермь: «Книжный мир», 2000-2002.

СПП – *Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века*: В 6 вып. / Сост. Е.Н.Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та: 1993-2001.

СПФ – *Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий*. Пермь: «Книжный мир», 2005.

СРГКПО – *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа* / Ред. И.А.Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГСУ – *Словарь русских говоров Среднего Урала*: В 7 вып. / Под ред. А.К.Матвеева. Свердловск. изд-во Урал. ун-та. 1964-1988.

СРГСУ-Д – *Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнение* / Под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 1966.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. СПб., 1966-2008. Вып. 1-41.

ССКЗД – *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов* / Под ред. В.А.Сорвачевой. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1961.

Чагин Г.Н. *Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Учебное пособие по спецкурсу*. Пермь: Изд-во Томского ун-та. Перм. отд., 1991.

Чагин Г.Н. *Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Учебное пособие по спецкурсу*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993.

Чагин Г.Н. *Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.: Учебное пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений*. Екатеринбург: «Сократ», 2002 а.

Чагин Г.Н., Черных Г.Н. *Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX-XX вв.* Пермь, 2002 б.

Условные сокращения

ГАПК – Государственный архив Пермского края

Д. – дело

Док. – документ

Ед. хр. – единица хранения

Кол. – коллекция

Короб. – коробка

Л. – лист

об. – оборот

Оп. – описание

РАН – Российская академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

СПб. ИРИ – Санкт-Петербургский Институт российской истории

Ф. – фонд

**MEALS CULTURE IN PERM REGION IN THE XVI – XVIII CENTURIES
(according to lexical and onomastic data of Perm written records). Article 1**

Elena N. Polyakova

**Professor of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State University**

The author examines names of phytogenic foodstuffs and dishes, as well as nicknames and family names originating from such names in written records of Perm Region of the XVI – early XVII centuries. Lexis and onomatology give evidence to the continuity of the nutrition culture of the Russian North and on the preservation of the main traditions of this culture in Perm Region from XVI to the XX century, and to linguistic and cultural links between Russians and Komi Permians. The results of the research are complemented by ethnographic observations made in Perm region in the XIX-XX centuries and are applicable both for ethnography and the history of the Russian language.

Keywords: lexis; onomatology; culture; nutrition; grains; vegetables; mushrooms.